

ПРЕДЕЛЫ КАПИТАЛИЗМА И РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО КАК ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ МАРТЬЯНОВ,

Института философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург, Россия,

e-mail: martianovy@rambler.ru

Цитирование: *Мартьянов, В. С. (2020). Пределы капитализма и рентное общество как глобальная альтернатива // Journal of Institutional Studies, 12(4), 18-33. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.018-033*

Естественные пределы капитализма выражаются не только в глобальной приостановке темпов экономического роста, который считался бесконечным. Это и кризис его внеэкономической легитимации, тех политических институтов, которые позволяли сглаживать генерируемое капитализмом неравенство. Нация-государство, модель социального государства и представительной демократии были механизмами участия большинства граждан в плодах экономического роста, генерируемого капитализмом. Однако пределы роста доступных общественных ресурсов существенным образом не изменили стратегии политических и экономических элит. Попытки передела не растущего общественного пирога выразились в неолиберальной риторике; девальвации модели политической нации как согражданства; сокращении форм социальной политики; кризисе демократии, выраженном в возврате к ее узкому пониманию в виде шумпетерианской конкуренции элит. Тенденции, связанные с тем, что элиты хотели бы и далее получать дополнительный кусок «пирога» за счет уменьшения такового у большинства, усиливают неравенство и лишают капитализм убедительной ценностно-институциональной регуляции, которая обеспечивала его стабильное существование. В обществе растет запрос на возврат к более эгалитарной модели распределения общественных ресурсов. Ее варианты все реже связаны с капитализмом как обществом, в котором господствует метафора рынка, идеологически олицетворяющая современность, но в силу многих причин переставшая давать приемлемые перспективы для большинства. Представляется, что альтернативой капитализму без экономического роста и при сокращающемся рынке труда становится модель рентного общества, которая гипотетически позволяет преобразовать «рост без развития» в «развитие без роста». В рентном обществе ключевые механизмы стратификации и доступа к ресурсам вновь переходят от рынка к национальному государству, усиливаются статусные групповые неравенства и нерыночные типы общественных обменов, а социальная политика стремится к оптимизации в виде модели базового безусловного дохода. Горизонт социального конструирования сокращается до локальных утопий и добродетелей разнообразных меньшинств, а доминирующей формой политического дискурса становится популизм, обращаемый вместо распадающихся экономических классов к большинству и совместимый как с правыми, так и с левыми ценностными политическими системами.

Благодарность: *Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00650 «Контуры посткапиталистического общества: перспективы и социальные противоречия».*

Ключевые слова: капитализм; посткапитализм; пределы роста; легитимация; демократия; неравенство; политическая форма; популизм; рыночное общество; рентное общество; утопия.

THE LIMITS OF CAPITALISM: THE RENT-SEEKING SOCIETY AS A GLOBAL ALTERNATIVE

VICTOR S. MARTIANOV,

*Institute of Philosophy and Law,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch),
Yekaterinburg, Russia,
e-mail: martianovy@rambler.ru*

Citation: Martianov, V. S. (2020). The limits of capitalism: The rent-seeking society as a global alternative. *Journal of Institutional Studies*, 12(4), 18-33. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.018-033 (In Russian.)

The natural limits of capitalism are expressed not only in the global suspension of economic growth, which has been considered endless. It is also a crisis of its non-economic legitimization, of those political forms that have made possible smoothing of inequality generated by capitalism. The nation-state, the model of social state and representative democracy were the mechanisms of access for the most citizens to the fruits of the economic growth generated by capitalism. However, the growth limits of available public resources did not significantly change the strategies of political and economic elites. Attempts to redistribute the non-growing public pie were expressed in neoliberal rhetoric; devaluation of the political nation model as co-citizenship; reduction of forms of social policy; the crisis of democracy, expressed in a return to its narrow interpretation as Schumpeterian competition of the elites. The tendencies related to the fact that the elites would like to keep receiving an additional piece of the public pie at the expense of the majority, reinforce inequality and deprive capitalism of convincing value-institutional regulation that have earlier ensured its stable existence. There is a growing demand in society for return to a more egalitarian model of the distribution of public resources. Its options are less and less associated with capitalism as a society dominated by market metaphor that ideologically represents modernity, but for many reasons has ceased to provide acceptable prospects for the majority. It seems that rental society is becoming an alternative to capitalism without economic growth and with a shrinking labor market. In the rental society, the key mechanisms of stratification and access to resources are again moving from the market to the nation-state, non-market types of public exchanges are strengthening, and social policy is striving for a model of basic unconditional income. The room for social construction is reduced to local utopias and virtues of various minorities, while populism becomes the dominant form of political discourse, which instead of decaying economic classes turns to the majority and is compatible with both the right and the left political value systems.

Acknowledgement. *The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project No. 19-011-00650 "The Contours of a Post-Capitalist Society: Prospects and Social Contradictions".*

Keywords: *capitalism; post-capitalism; limits of growth; legitimation; democracy; inequality; political form; populism; market society; rent society; utopia*

JEL: A13, P16, P47, Z13

Пределы роста и новая экономическая нормальность

Монокаузальные объяснительные модели современных *больших обществ* оказываются поверхностны, иллюстрируя лишь тщеславие исследователей в попытках обосновать универсальные причинные механизмы функционирования противоречивых и сложносоставных современных обществ. Единственный фактор, объясняющий всё (экономика, культура, история, религия, политика и т.д.), обычно в то же время не объясняет ровным счетом ничего, сталкиваясь с растущим валом исключений, в итоге фальсифицирующим и сметающим из дискуссионного поля объясняющую гипотезу. Живучесть одной из таких описательных моделей в виде *капитализма* (рыночного общества) связана с бережно сохраняемой западным мейнстримом ценностью метафоры *свободного конкурентного рынка*, последовательно переносимой во все сферы человеческой жизнедеятельности (политический и административный рынок, культурный рынок, идеологический и символический рынок и т.д.). Эта центральная объясняющая (поиск закономерностей) и одновременно легитимирующая (представление о благе) *метафора* актуальной глобальной мироэкономики все чаще наталкивается на свои онтологические и исторические пределы, заставляющие серьезно задуматься над альтернативными сценариями описания современных *больших обществ* и перспектив их дальнейшего существования в некапиталистических версиях.

Несмотря на усиление рыночных обменов в последние 200 лет, ядром институциональной организации современных обществ остается властесобственность. Последняя не создает никакой российской специфики, а ценностно-институциональные различия всех современных обществ представляются преувеличенными в дискурсе экономического мейнстрима, стремящегося разнести их по идеологическим иерархическим клеточкам бинарных оппозиций: открытые/закрытые общества (К. Поппер), демократия/тоталитаризм, свободный рынок/административная система, естественное государство/ общество открытого доступа (Д. Норт, Б. Вайнгаст, Дж. Уоллис), инклюзивные/эксклюзивные институты (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), патрональные/монетарные платежные сообщества (В. Ефимов) и т.д. Однако все указанные бинарные пары строятся не столько на универсальных, сколько на релятивных критериях, которые не являются исключительной характеристикой одних современных обществ и отсутствуют в других. Указанные отличия существуют лишь в количественной, а не качественной мере, поскольку в большинстве современных обществ мы можем наблюдать теоретически взаимоисключающие, но прекрасно сосуществующие на практике *гибридные* элементы рынка и государственного регулирования, экономической конкуренции и монополизации рынков, демократической ротации элит и наследственной передачи властных ресурсов и т.д. Например, в обществах, именуемых *рыночными*, стратегические институциональные правила *чаще* диктуют крупные собственники (семейные кланы, контролирующие банки, мегакорпорации, ТНК). А в обществах, которым в таком наименовании отказано (неопатримониальные, феодальные, сословные, естественные государства с эксклюзивными институтами и прочие *дефектные*), именно институциональный контроль власти *чаще* (но далеко не всегда) является условием контроля собственности. Приоритет власти или собственности при принятии конкретных общественно значимых решений является весьма подвижным, контекстуальным и не создает убедительной классификационной дифференциации современных обществ, чьим всеобщим фундаментом была и остается властесобственность как неизбежная и взаимная детерминация власти и собственности в политическом и экономическом измерениях.

Таким образом, *сравнительный анализ реальной структуры и механизмов распределения власти и собственности в современных обществах позволяет увидеть, что они не имеют качественных отличий друг от друга, которые им приписывает западный политологический и экономический мейнстрим*. Способы функционирования аппаратов власти, достижения внутриэлитных договоренностей, системы контроля собственности в либеральных демократиях принципиально ничем не отличаются от аналогичных принципов в тех обществах, которые не считаются западным мейнстримом ни рыночными, ни демократическими, ни либеральными. В качестве своих принципиальных отличий нисходящие западные гегемоны пытаются

представить в основном процедурные и субъективные экспертные отличия (уровень политической конкуренции, ротация элит, разделение властей, автономия суда и СМИ и т.д.). Однако соблюдение указанных политических процедур и правил игры может эффективно вполне сочетаться с властесобственностью, составляющей институциональное ядро всех либеральных демократий, преимущественно наследственным воспроизводством элит и кланово-семейной передачей губернаторских, судейских, депутатских и даже президентских кресел (Д. Буш-старший и Д. Буш-младший; Д. Адамс, второй президент США и его сын Д. К. Адамс, шестой президент США; Т. Рузвельт и его близкий родственник Франклин Д. Рузвельт; Б. Клинтон и Х. Клинтон, набравшая больше голосов избирателей, чем Д. Трамп, но проигравшая по голосам выборщиков от штатов и т.д.), какие бы публичные дискурсы не использовались для маскировки этого факта (Миллс, 2007). При этом *либерализм, рыночный характер и демократичность* западных политических сообществ, а тем более их монополия на нормативную интерпретацию ключевых содержательных понятий общественной мысли, становятся предметом все более фундаментальной критики (Kotkin, 2014). Не менее убедительной критике подвергаются и всевозможные политические и экономические сравнительные рейтинги производства немногочисленных западных гегемонов, продвигаемые как важные элементы глобального *мягкого влияния*. Рейтинги с помощью непрозрачных механизмов и *критериев экспертного восприятия* выстраивают субъективные мировые иерархии политической свободы, конкурентоспособности, политического риска, привлекательности, образования, науки и т.д., которые начинают влиять не только на настроения инвесторов и страновые кредитные рейтинги, но и некритично инкорпорируются в качестве целевых критериев оценки собственных государственных планов и программ развития в периферийных странах (Иванов, Иванова, 2015).

Таким образом, в *модерных обществах* на уровне элит власть как ресурс свободно *перетекает* в собственность и наоборот, не образуя никакой автономии того и другого. Если и можно говорить об автономии, то это будет автономия субъектов (элит), которые в действительности контролируют и властный аппарат государства, и крупную собственность во всех современных обществах. Другое дело, что многие исследователи ограничиваются лишь инструментальной логикой, например, эффективностью соблюдения неких *идеальных процедур* принятия политических решений, связанных с моделью представительной демократией. Однако идеальность демократических процедур не гарантирует автономии собственности и власти, как и реального представительства интересов большинства. Мейнстрим часто критикует недемократические режимы за то, что господство власти не дает развернуться эффективному бизнесу, который должен строиться на гарантиях частной собственности. Но очевидны и обратные экономические эффекты, когда принятие общезначимых политических решений зависит от крупного бизнеса, диктующего приоритеты бюджетной политики. Все это в институциональном и процедурном измерении может быть оформлено более чем демократично, не будучи согласовано с интересами большинства. И в том, и в другом случае политическую и экономическую логику принятия решений будут определять элиты, контролирующие властесобственность. А ограниченность глобального рынка закономерно приводит конкурирующих субъектов к попыткам силового пересмотра механизмов контроля собственности, выходящих за пределы честной конкуренции и рыночной демократии как способа расширения своего влияния в условиях, когда все прочие механизмы не дают привычного эффекта.

Следует особо отметить, что базовая дихотомия *экономического/неэкономического* встроена в дискурсивный мейнстрим, который оперирует саморепрезентацией капиталистического порядка как по преимуществу *экономического* (тождественного *естественному*), а все его необходимые коррективы трактуя как *внеэкономические*. Это одна из ключевых социальных мифологий капитализма, связанных с его публичной легитимацией, которая все менее убедительна в условиях обнаружения разнообразных пределов капитализма. Огромное количество влиятельных исследователей от Макса Вебера до Роберта Инглхарта показывали сконструированный характер указанной дихотомии, убедительно демонстрируя, что у капиталистического порядка в равной степени как *экономические*, так и *внеэкономические* основания. Поэтому понятие *экономики*

как чего-то отдельного, автономного, а тем более *привилегированного* по отношению к политике, культуре, морали irrelevantно. Противопоставление *экономического* и *внеэкономического* изначально имело идеологический характер, будучи впервые обращено против феодализма, а потом и против социализма как примеров *неразумного* и *неестественного* социального порядка. И именно поэтому мейнстримные идеологические обоснования капитализма впадают в кризис легитимации, поскольку защищаемый ими экономический порядок становится все менее *естественным* и *разумным*, все чаще обращаясь для коррекции своих пороков к своей же «проклятой стороне».

В условиях постоянно усложняющегося современного общества социально-политические, экономические и культурные закономерности все радикальнее отдаляются от повседневного жизненного опыта индивидов. Нарастает коммуникативно-смысловой зазор между гражданами, социальными группами и сложносоставным обществом, ведущий к недоступности и непознаваемости последнего, взятого во всех своих противоречиях и интерпретациях. Развить целостный, концептуальный взгляд на *большое общество*, компенсирующий его постоянное структурно-функциональное усложнение, были призваны современные идеологии и утопии. Последние были востребованы в рамках развития либерального консенсуса как утопии для капитализма, оправдывающих его существование. И эти либеральные, консервативные и социалистические утопии развивали различные версии эгалитаризма, снижения неравенства и роста возможностей для большинства, позволявших этому большинству мириться с капитализмом и надеяться (при всей иллюзорности подобных надежд) на гуманизацию капитализма. И действительно, в период исторической экспансии капитализма удавалось создавать эгалитарно-неэгалитарные утопии, специфика которых заключалась в том, что пропаганда равенства возможностей и сами эти новые возможности служили обоснованием сохранения и воспроизводства текущего неравенства. Однако возможности посредством участия в рыночной конкуренции улучшить свое положение, извлечь выгоду и подняться над другими сохранялись у индивидов и социальных групп лишь в условиях исторического построения разного рода *капиталистических пирамид* в национальном и глобальном масштабах. Но когда такие возможности глобально исчерпываются, то в политических идеологиях и вытекающих из них коллективных практиках наступает закономерный разворот. На стыке XX–XXI вв. убедительность капиталистических утопий, связанных с риторикой *конца истории* (Ф. Фукуяма), *плоского мира* (Т. Фридман) или всеобщего перехода от *естественного государства* к *порядку открытого доступа* (Д. Норт и соавторы) вызывает все большие сомнения на фоне усиления глобального неравенства. Легитимирующие эгалитарные элементы уступают место все более откровенному требованию неравенства и привилегий. Это и отражается в ситуации возрастания борьбы за ренту привычных и формирующихся социальных групп – буржуа, трудящихся, прекариев, креативного класса и т.д.

В настоящее время капитализм как экономическая, и шире – общественная модель, движимая логикой *человека экономического*, обнаружил ресурсные, технологические и демографические ограничения экономического роста, расширения рынков сбыта и получения прибылей в глобальном масштабе. Попытки искусственно стимулировать экономический рост обернулись непрекращающимся с 2008 г. структурным кризисом финансируемой модели капитализма, которая с неизбежностью будет меняться в контексте более общей трансформации факторов производства, механизмов распределения ресурсов и альтернативных принципов социальной стратификации общества. Оказалось, что накопленные активы больше некуда инвестировать для обеспечения все новых прибылей, за исключением глобальных финансовых пирамид, ключевой из которых стала платежная система американского доллара, открепленная от золотого стандарта. Постепенно становится очевидным, что глобальный капитализм давно начал жить в долг у самого себя, превращаясь в *квазирынок*. Это произошло уже в ходе создания социального государства, когда новые рабочие места, создаваемые государством, были призваны обеспечить растущий уровень спроса и расширение рынков сбыта. Подобная социальная модель оказалась лишь временной отсрочкой, достигшей согласно расчетам Т. Пикетти пиковых

показателей в 1945–1975 гг., а затем оказавшейся в дрящемся поныне периоде деконструкции и распада – *бесславном сорокалети* (1975–2015 гг.) (Пикетти, 2015). Последнее, как убедительно показывает падение мировой экономики в связи с пандемией коронавируса, продлится и в ближайшей перспективе.

Все более уверенный исследовательский консенсус состоит в том, что капитализм как экономическая система вплотную приблизился к разнообразным естественным пределам своего дальнейшего расширенного воспроизводства (*Есть ли будущее у капитализма?*, 2015). Концепция *пределов роста* в перспективе будущего становится все более релевантным прогнозом, поскольку последние десятилетия мировой рост обеспечивался лишь за счет наращивания кредитного навеса глобальной экономики, которая производила больше, чем человечество способно потребить за такую цену (Медоуз, Рандерс, Медоуз, 2007). Пределы роста ставят проблему трансформации капитализма, который обеспечивал экономический рост, пока не охватил все человечество, исчерпав систему выгодных асимметричных центр-периферийных обменов (метрополии/зависимые рынки) на планете Земля. Вынос негативных издержек капитализма вовне (экологических, ресурсных, моральных и т.д.) оказывается более невозможным, поскольку внешнее измерение капитализма, которое можно было *эксплуатировать бесплатно*, окончательно исчезает. Экспансионистская модель асимметричных обменов выработала практически все доступные ресурсы для поддержания дальнейшего поддушевого экономического роста, статистически достоверного в человеческой истории лишь с начала XIX в., но воспринимаемого мейнстримной экономической мыслью в качестве исходной аксиомы (Мэддисон, 2012). Бесконечный рост уровня жизни и материального достатка для всех или большинства являлся легитимирующей идеей капитализма, чье выполнение наталкивается на все большие трудности. Экономический рост как суммирующий показатель развития все чаще является лишь следствием кредитной накачки и периодического обрушения этого искусственного роста, не подкрепляемого давно не растущим спросом. Критерии развития современного общества последовательно открепляются от навязчивой идеи бесконечного роста/прогресса в пользу важных повседневных аспектов жизни реальных граждан, где в развитых странах на смену абстрактным показателям ВВП приходят критерии качества жизни, напрямую не связанные с объемами потребления (Стиглиц, Сен, Фитусси, 2015). Действительное развитие общества в ситуации пределов роста все чаще противоречит сомнительным средствам, обеспечивающим стероидный экономический рост: «современная экономика основана на дуализме “долг – рост”. Первый может быть полезным для стимуляции второго, а второй – для частичного возмещения первого. Но западный, особенно европейский, экономический рост устойчиво вял, а задолженность бурно растет. На международном уровне общая сумма государственного и частного долга составляет примерно 327% мирового ВВП и растет быстрее него. Рост не только требует невыносимого увеличения долга, но и зиждется на другом факторе: запрограммированном устаревании товаров, созданных, чтобы служить не более определенного срока и тем самым побуждать к ускоренному потреблению. Эти два фактора искусственно поддерживают экономический рост, но они противодействуют экоустойчивому развитию, принимающему во внимание интересы человеческого рода» (Шенэ, 2017, с. 138).

В результате географической экспансии все человечество давно вовлечено в актуальные производственные цепочки как *люди труда* и в рынки сбыта в качестве *потребителей*. Консенсус специалистов относительно демографической стабилизации населения Земли закрывает потенциальные горизонты для появления новых масс потребителей и рынков, которые могли бы ощутимо увеличить глобальный спрос. Если в XX в. численность человечества в результате *демографического взрыва* увеличилась в 4 раза, с 1,65 до 6 млрд человек, то прогноз на XXI в. предсказывает рост лишь в 1,8 раза со стабилизацией населения Земли во второй половине XXI в. на уровне около 11 миллиардов человек.

Оборотной стороной экономического роста всегда выступает неравенство как результат неравномерного, иерархического распределения плодов труда, ренты (как природной, так и социальной) и технологического прогресса. Рынок порождает неравенство, но он же дает ресурсы для выравнивания, пока растет. Однако рыночное общество, обнаружив пределы ресурсного

роста, становится все более неравновесным и неравным, когда население и его запросы растут, а привычные способы их удовлетворения с помощью рынка перестают действовать. Как отмечает З. Бауман, легитимирующий тезис капитализма о том, что богатые и успешные люди автоматически способствуют приросту богатства всего общества, которое просачивается на нижние социальные этажи, полностью опровергается статистикой распределения доходов: «почти во всех странах мира быстрыми темпами возрастает неравенство, а это означает, что богатые, и в первую очередь очень богатые, становятся еще богаче, в то время как бедные, и в первую очередь очень бедные, становятся еще беднее как правило, в относительном, но все чаще также и в абсолютном смысле» (Бауман, 2015, с. 9). Все более равными становятся лишь *глобальные бедные* на фоне концентрации общественных ресурсов в руках сокращающихся меньшинств во всех современных обществах. В частности, в России в постсоветский период 1989–2016 гг. для 50% населения, находящихся в основании доходной пирамиды общества, их реальные доходы снизились на 20%, в то же время общий накопленный реальный рост доходов 10% наиболее богатых составил 171%, а доходы наиболее богатого 1% взлетели на 429% (Novokmet, Piketty, Zucman, 2017). Социологи отмечают усиление тенденций к закрытому воспроизводству элит и росту неравенства социальных страт и в российском обществе: «общественное сознание с годами всё больше воспринимает российское общество как такое, где личные усилия и стремления человека все меньше значат для достижения жизненного успеха и занятия высоких статусных позиций... в современной России происходит все большее закрытие верхних слоёв населения» (Тихонова, 2018, с. 38–39). Это неравенство структурируется в виде центр-периферийных иерархий, пронизывающих все социальные измерения (классовые, профессиональные, демографические и т.д.) на локальном, национальном и глобальном уровнях. Фоновые трансформации капитализма, рынка труда и социальной структуры оказывают негативное влияние на общественные настроения и ожидания. Согласно опросу «Фонда Эдельмана» с утверждением о том, что капитализм в современном виде приносит больше вреда, чем пользы согласны 56% опрошенных в 28 крупнейших странах (в Индии – 76%, Франции – 69%, Китае – 63%, в Германии и России – 55%). При этом испытывают беспокойство по поводу возможной потери своей работы в будущем в силу тех или иных причин 83% от общего количества занятых (Барометр доверия, 2020).

Постоянный рост неравенства вынуждает капитализм постоянно прибегать к внеэкономической легитимации, чтобы обрести институциональную и историческую устойчивость, компенсируя рост неравенства с помощью ценностных (морали, идеологии, культуры) и институциональных регуляторов. Эти регулятивные механизмы воплощаются в представительной демократии, правлении большинства, социальном государстве, призванных регулировать уровень генерируемых свободным рынком неравенств, делая их приемлемыми для большинства. В результате большинство граждан только путем внеэкономической регуляции капитализма становится бенефициаром экономического роста. Отсрочить развертывание полномасштабного кризиса помог неожиданный конец биполярного мира в 1991 г., который ознаменовал не столько торжество либеральной демократии и рынка, сколько послужил поводом для повсеместного ослабления внеэкономической регуляции глобального капитализма, потерявшего устоявшуюся систему сдержек и противовесов. Однако поглощение ресурсов/рынков стран советского блока и их союзников дало лишь краткую передышку, поскольку конец биполярности совпал с исчерпанием ресурсов капитализма как глобальной экономической и общественной модели. Этот упадок капитализма одновременно стал и кризисом механизмов его внеэкономической регуляции в виде демократии и социального государства, потерявших свою постоянно растущую ресурсную базу, которую можно было распределять в интересах большинства.

Капитализм медленно и неуклонно переходит от модели экспансионистского расширения и иллюзии бесконечного роста, поддерживаемого в последние годы лишь финансовыми спекуляциями и валютными пирамидами, к рентной модели, где цели роста и капитализации активов отходят на второй план. Более важной целью в условиях стабильности/стагнации как *новой экономической реальности* для субъектов экономической активности становится *сохранение имеющихся капиталов, рент, долей рынка и места в глобальных производственных цепочках.*

Поскольку потеря всего перечисленного будет практически невозможной и безальтернативной в ситуации тотального капитализма с плотной силовой конкуренцией во всех возможных сферах и нишах экономики.

Кризис политических форм воспроизводства и легитимации позднего капитализма

Капитализм исторически связан с политической формой нации-государства, которая территориально привязывает и регулирует права и обязанности граждан, отношения труда и капитала, иерархии распределения социальных статусов и общественных ресурсов, поддерживая *справедливые неравенства*. Стремительное расширение сначала рабочего класса, а затем городского среднего класса привело к необходимости распространения привилегий элиты в качестве законных политических прав на все население в национальном масштабе. В результате растущего влияния людей труда (рабочих) возникло государство всеобщего благосостояния, знаменующее золотой век представительной демократии, связанной с прогрессивным налогообложением и повышением роли государства в перераспределении общественного богатства. Глобальный расцвет капитализма сопровождался закономерным усилением регулятивных функций национальных государств во всех сферах жизни общества.

Большинство граждан никогда не имело такого реального влияния на принятие значимых политических решений, как в современных представительных демократиях. Эгалитарная трансформация общества поддерживалась левой идеей о том, что если классовые противоречия сглаживаются, то государство перестает быть инструментом доминирования одного экономического класса над другими (Ленин, 1974). Это позволяло марксистам говорить об отмирании *классового государства* как аппарата подавления/принуждения, обеспечивающего во избежание революции в первую очередь силовые функции по стабилизации политического порядка. Классового капиталистического порядка, несправедливого ко многим, а в радикальном варианте – к большинству граждан. В такой классовой перспективе государство если и сохраняет легальность в качестве организованного насилия, то неизбежно теряет легитимность как инстанции морального регулирования. Предполагалось, что если потенциальная угроза революции снимается моделью социального государства, перераспределяющего ресурсы в интересах большинства, то государственный аппарат и элиты, получившие широкую поддержку, смогут переориентироваться на новые приоритеты общества, фиксируемые, например, современными концепциями *сервисного государства* (Фалина, 2012). Последнее из охранителя классовых интересов превращается в главного работодателя и регулятора *справедливых неравенств*, смягчая провалы и кризисы рынка.

Однако в последние десятилетия не только распространение модели государства всеобщего благосостояния на весь мир, но даже ее поддержание в странах центра мировой экономики для большей части граждан вызывает все больше вопросов.

Во-первых, нация-государство становится все менее эффективной политической формой защиты граждан на фоне усиливающихся политических субъектов в виде ТНК, сетей глобальных городов, частноправовых режимов и т.п. Происходит размывание суверенитета территориальных политических сообществ, когда динамичные, корпоративные, номадные формы политической организации, действующие в интересах разных меньшинств, получают преимущества перед политическими сообществами наций-государств. Ведущие государства тоже пересматривают привычные концепции независимости в пользу *экстратерриториального суверенитета*, выходящего за пределы непосредственной территории государства. Формирование глобальных рынков финансов, товаров, труда и авторских прав входит в прямое противоречие с онтологическими оправданиями и институтами национальных политических режимов, построенных на онтологии территориальности. Начинает подрываться политическая мораль, основанная на территориальном суверенитете, истории, почве, на месте людей в разделении общественного труда конкретных политических сообществ. Однако предельными политическими субъектами и хранителями политических порядков остаются нации, и их ничто не превосходит

в роли гаранта политических прав и социальных ценностей. Это ограничивает возможности для формирования транснациональных политических порядков, субъектов и ценностей вслед за экономической глобализацией человечества.

Очевидно, что современные государства даже в долгосрочной перспективе не сольются в политическую систему во главе с мировым правительством, поскольку наличие одного центра принятия решений при отсутствии системы дискуссий, сдержек и противовесов чревато дальнейшей узурпацией власти немногими, ростом неравенства и противоречий. Поэтому капитализм не отменяет политической реальности наций, но является их необходимым продолжением в виде мироэкономики, где все страны и регионы взаимосвязаны рынками и зависимы от фоновых событий и процессов, происходящих далеко за пределами их суверенных территорий. Соответственно капитализм вынужден все активнее задействовать культурные и моральные логики легитимации своих негативных социальных эффектов и экстерналий, прежде всего прибегать к отождествлению с Модерном-Современностью как воплощением идеи бесконечности прогресса и доступных большинству возможностей. Причем, если для стран центра мироэкономики предназначена идея *совершенствования, ремонта* или *креативной настройки капиталистического Модерна*, то для полу- и периферии политические приоритеты остаются на уровне догоняющей модернизации, в которой Ахилл никогда не догонит черепаху.

Во-вторых, возможности *бесконечного* экономического роста, прогресса, поддержания высокого уровня занятости и социального государства все чаще опровергаются практикой. Развернутой политической реакцией на усугубляющийся кризис капитализма стала неолиберальная риторика, которая сводится к сворачиванию широких систем социальной поддержки населения и перераспределению общественных ресурсов от большинства к меньшинствам посредством *чистого* и *справедливого* рынка. Это привело к *естественному* росту неравенства, олигархическим тенденциям и обратному захвату государства в прежнее единоличное владение *восставшими элитами*. Даже *сервисное государство* легко превращается в новый инструмент контроля элит над большинством посредством разнообразных дисциплинарных механизмов финансового и электронного контроля, позиционируемых как разнообразные виды *государственных услуг*. Последствия передела политической системы управления и распределения общественных ресурсов фиксируются в многочисленных работах, посвященных упадку современной демократии, которая все чаще сводится к узкой шумпетерианской модели процедурного одобрения массами итоговых решений конкурирующих между собой элит (К. Лэш, К. Крауч, Н. Урбинатти, П. Майр и др.). Демократия сводится к чистой формальности, к одобрению уже принятых элитами политических решений на референдумах, или согласием с изменением конфигурации элит по итогам выборов, которые должны создавать впечатление реальных ротаций и изменений. Все это ставит в центр публичного политического дискурса паллиативные, технические и второстепенные вопросы, отвлекая от центральной проблемы – кому принадлежит власть, кто контролирует крупную собственность и на каких ценностных основаниях распределяются общественные ресурсы. В текущей ситуации «экспроприация, господство и сила – стали настолько существенными, что любые разговоры о фикции свободных и равных игроков, встречающихся на рынке труда, сегодня утратили всякий смысл. Это означает, что рента и долг в большей степени способствуют накоплению капитала, нежели прибыль, и что разрыв между осуществляемой работой и заработной платой не укладывается в рамки производительного труда» (Дин, 2019, с. 112).

Неолиберальный ремонт капитализма как временная отсрочка

Высшего исторического подъема политическая регуляция в интересах большинства достигает в послевоенный биполярный период, после чего глобальное неравенство вновь начинает неуклонно нарастать. Оно начало компенсироваться мейнстримной неолиберальной риторикой, легитимирующей рыночную справедливость распределения стагнирующих ресурсов в пользу меньшинства за счет урезания доступа к общественным благам и социальной поддержки для значимых групп населения. Кризис, начавшийся в 2007–2009 гг., был спровоцирован экспоненциальным ростом доходного неравенства и не привел к его снижению. Он не сократил

объемов корпоративных прибылей на фоне стагнации зарплат *людей труда*. Это неравенство паллиативно смягчается кредитной экспансией, которая ведет к росту задолженности домохозяйств и активизации финансовых спекуляций, надувающих очередной пузырь искусственного экономического роста (Ivanova, 2017). Еще в начале глобального кризиса стало очевидно, что он во многом является следствием стремления ключевых транснациональных финансовых групп и олигополистических кампаний подчинить не только правила глобального рынка, но и экономические приоритеты государств своей погоне за рентой, освобожденной от социальных обязательств и политического регулирования в интересах большинства (Palma, 2009). Подобная рентоориентированное поведение полностью противоречило неолиберальной риторике, ратующей за возврат к справедливому конкурентному рынку. Очевидно, что неолиберальная риторика в чистом, социал-дарвинистском изводе и не могла быть поддержана большинством. Поэтому она оборачивается в популистские одежды *постиндустриальных* или *креативных* концепций, которые позволяют свертывать социальное государство под предлогом обещаний повышенных возможностей и больших ресурсов *в будущем*, которые в результате болезненного процесса свертывания социальной политики сможет получить большинство граждан *в оздоровившейся* рыночной экономике. В качестве паллиатива социального государства, которое содержит *паразитирующих бедных* за счет *нормальных* и *успешных*, развивается идея среднего класса как нового большинства. Декларировалось, что этому новому воображаемому большинству невыгодно содержать иждивенцев из бедных слоев населения посредством системы перераспределения налогов, поскольку от этого их количество только растет. В результате большинство граждан теряет гарантированные механизмы социальной поддержки государства в обмен на попытки достижения заранее нереализуемой цели – войти в ряды среднего или креативного класса.

Однако через некоторое время выяснилось, что средний класс являлся исключительно идеологической конструкцией, призванной отвлечь внимание широкой публики от сокращающихся возможностей и уровней социальной поддержки для большинства (Мартьянов, 2016). Кризис неолиберальной модели состоит в исчерпании временных ресурсов «переноса производства из развитых капиталистических стран в регионы мира с низкой оплатой труда и доминирования финансово-спекулятивного капитала над промышленным.. Именно эксплуатация дешевого труда мировой периферии позволила развитым странам сократить сферу материального производства. С другой стороны, мировые финансовые рынки выполняют важную роль посредников в присвоении доходов, создаваемых населением периферии, крупным капиталом центра» (Дзарасов, 2019). Постоянное разветвление и усложнение производственных цепочек, в которых эксплуатация обезличивается на многочисленных этажах получения прибыли, позволяет в определенной степени замаскировать общую стратегию *игры на понижение* для большинства *людей труда*, чьи политические права становятся все менее реальными ввиду потери социальных гарантий. Появление автоматизированных, кибернетических сегментов в экономике, замещение человека во всех технологических цепочках принципиально не отменяет эксплуатации, расширяя ее разнообразие, которое флексибилизация труда, стирание границы между трудом и досугом лишь усиливают.

По мере утраты доминирующих позиций классовыми, геополитическими, экономическими субъектами, исходя из интересов которых были сформулированы парадигматические основания неолиберального мейнстрима, предлагаемые последним постановки исследовательских вопросов и решения разного рода социальных задач становятся все менее адекватными. Таким образом, неолиберальный *капитализм без политических и национальных границ* и имманентная ему модель *экономического человека* не в состоянии породить смыслы и цели, выходящие за рамки бесконечного накопления капитала и являющиеся фоновым внеэкономическим условием его существования. Исторически капитализм не имеет всеобщей политической цели, какого-либо *горизонта социальной утопии*, поэтому не может произвести эффективной самолегитимации, выходящей за рамки экономического поля и касающейся внеэкономических целей общества в целом. Капитализм просто не в состоянии породить нового культурного кода, за исключением

элементов базовой культуры быта и идеологии потребления, так как любая культурная рефлексия сама по себе угрожает капитализму и его бенефициарам. Соответственно все значимые модерные культурные течения и феномены (как правые, так и левые, традиционалисты, популисты, экологические движения и т.д.) изначально позиционируются как антикапиталистические. Они если и контркультурны, то только в том смысле, что еще не переработаны и не подчинены доминирующим культурным задачам капиталистического мейнстрима. И в данном контексте большинство нынешних системных левых движений оказались заражены *вирусом либерализма* (С. Амин). Кризис мирового левого движения связан с *конформизмом*, когда, имея на руках все политические козыри, оно не может обосновать реальную политическую альтернативу в условиях кризиса капитализма (Кагарлицкий, 2017).

Соответственно неолиберализм представляет собой попытку переиграть условия либерального консенсуса, закрепленные в виде государства всеобщего благосостояния в пользу *восставших элит*. Элитарность становится дискурсом новой политической нормы, а иерархическая модель элитарной демократии вытесняет базовые ценности представительства интересов, превращая все права людей в производное от прав собственности. Консолидация глобальных элит осуществляется на фоне успешного дробления людей труда на локальные социальные группы (профессиональные, этнические, образовательные, сословные и т.д.) в связи с распадом привычных экономических классов. Неолиберализм прямо отказывается от универсалистских обещаний либерального консенсуса для всех граждан, не предлагая взамен ничего, кроме передела общественного пирога в пользу и без того успешных социальных групп, оправдывая это ограниченными ценностями эффективности в рыночной среде. Происходит подмена общественного блага понятием блага для экономики, трактуемого как экономическая эффективность.

Факторы усиления рентного посткапитализма

Все более рентоориентированный финансовый капитализм является закатом рыночного капитализма в его привычном виде. Кризисы перепроизводства, стагнация рынков, зарплата трудящихся и прибылей с капитала, демографическая стабилизация, застой технологического прогресса, назревшие факторы изменения евроцентричной иерархии глобального политэкономического порядка обуславливают невозможность дальнейшего существования мироэкономики в виде капитализма. Накопление внутренних противоречий в экономике, политике, демографии ведет к отказу от неолиберального *ремонта* рыночной метафоры в пользу неизбежной системной трансформации капиталистической миросистемы и социально-политического устройства современных обществ. Альтернативные капитализму идеи, ценности и институты были известны еще до глобальных кризисов и пандемий, но именно последние стали факторами их перехода из сферы рискованного и радикального, неприемлемого и периферийного в область нового экономического, политического и социального мейнстрима, формирующего альтернативные представления об общественном благе.

В позднемодерном обществе будет, прежде всего, усиливаться социальная регуляция на базе типов нерыночных обменов, которые представлялись бенефициарами капитализма (в идеологических целях) окончательно вытесненными и архаичными. Пока данные тенденции описываются обществоведческим мейнстримом как патологии и отклонения, характерные для периферийных обществ, которым необходимо на пути модернизации усилить рыночную регуляцию. Однако проблема заключается именно в том, что упадок капитализма все чаще обнажает истинную силу дистрибутивных и реципрокных типов политической и экономической регуляции даже в либеральных рыночных демократиях, в которых они считались маргинальными. В связи с этим возникают любопытные трансформации исследовательских позиций ученых, специализирующихся на анализе *отсталых* и периферийных обществ капиталистической миросистемы.

Например, В. Шляпентох, изучая российское общество 1990-х гг., приходит к выводу, что слабость центральной власти в нем компенсируется личными связями и договоренностями в

тени государства вассальных кланов (олигархи, губернаторы, федеральные семейства и кланы, силовые структуры и т.д.), контролирующими значимые ресурсы, будь то власть, собственность, информация и т.д. Подобная социальная система, по его мнению, была изоморфна средневековому европейскому феодализму, который на концептуальном уровне глубже и системней отражает социальные закономерности российского общества, чем тоталитаризм, авторитаризм, или разнообразные *демократии с прилагательными* (Шляпентох, 2008). Последующее усиление центральной российской власти в XXI в. и выстраивание единых вертикалей управления резко снизили убедительность аналитических описания российского общества в рамках неофеодальной модели. Однако концепция неофеодализма оказалась достаточно релевантная в контексте новейших трансформаций глобального капитализма. Автор не удержался от ее эффектного применения уже в отношении актуального американского общества, где слабость центральной президентской власти во внутренней политике, высокая автономия штатов и экономических элит актуализирует неофеодальную метафору на фоне приостановки экспансии свободных рынков и либеральной демократии (Shlapentokh, Woods, 2011).

Одна из важных тенденций, ведущих к трансформации капиталистической миросистемы, заключается в том, что альтернативные, растущие центры силы в мировой экономике (например, страны БРИКС) позволяют эгалитарней распределять образуемый в миросистеме прибавочный продукт в интересах все большей части населения Земли. Это, в частности, не может устраивать западный центр миросистемы, прежде всего финансовый капитал и ТНК, теряющих сверхдоходы и заинтересованных в преломлении указанной эгалитарной тенденции: «именно поэтому мегакапиталисты сегодня входят в состав сил, которые выступают за замещение капитализма другой системой — той, которая им нравится, конечно» (Новая мир-система..., 2014).

Свертывание социального государства и демократических механизмов его легитимации влечет закономерные изменения в социальной структуре. В частности, теряют привычное место в новой социальной иерархии и безусловные цели своего существования широкие слои бюджетников, обеспечивавшие социальные функции государства (обучение, здравоохранение, сохранение культуры, исследования и т.д.). Последовательный отказ государства от многих социальных обязательств влечет массовое сокращение занятых, обеспечивавших эти функции под благовидными предлогами внедрения новых технологий, перехода к онлайн-обучению, цифровым услугам, электронному государству и т.д. От социальной политики, как производной от трудовой деятельности, осуществляется последовательный поворот к социальной поддержке граждан, основанной на самой принадлежности к определенному политическому сообществу. По сути, ту же функцию, что и социальное государство, в случае его массового введения будет выполнять базовый основной доход (БОД) в условиях общества без массовой занятости, где человек все чаще выпадает из роботизированных производственных цепочек. Паллиативность подобного ресурса заключается в том, что современные государства исчерпали инфраструктурные ресурсы поддержания рыночного капитализма, связанные с созданием рабочих мест и субсидированием финансового сектора.

Отдельной проблемой является субъектная инициация утопических изменений как переход к новому политическому и технологическому укладу, в котором рынок если и не отойдет в область истории, то потеряет доминирующие позиции. Для этого требуется не только сознание выгод посткапитализма, но и *негативная мобилизация* – принуждение к изменениям и инновациям, связанное с невозможностью сохранять далее привычный социально-политический и экономический порядок капитализма. Однако никто не может гарантировать, что эти социокультурные изменения будут совершаться в логике прогресса, а не архаизации и упадка. История XIX–XX вв. показала, что открытая конкуренция политической субъектности больших экономических классов в целом поддерживает эгалитарные принципы. Однако политическая субъектность новых политических меньшинств движима все более локальными целями и приоритетами, которые в качестве закономерного ведут к усилению неравенства во всех сферах общественной жизни. Приостановка социальных лифтов, трансформация экономических мегаклассов в дифференцированные социальные группы, аналогичные сословиям, цехам,

корпорациям и общинам которые занимают специализированные социальные ниши и обладают более узкой коллективной идентичностью. В новой демографической модели низкого роста закономерно будет сокращаться численность молодых поколений, которые могут быть недовольны сложившимися социальными иерархиями, ограниченными перспективами карьерного роста и принципами распределения ресурсов. Усиление рентных раздач, поддерживающих минимальный достойный уровень жизни в виде базового безусловного дохода, еще сильнее сокращает риски потенциальных революционных потрясений для подобных рентно-сословных обществ.

Соответственно нейтрализация и дифференциация рентными раздачами потенциально протестных социальных групп приводит к тому, что последние становятся неспособными увидеть/предложить тотальные утопии для общества в целом, оперируя лишь локальными дискурсами ремонта. Распад универсальной морали на этики добродетели для локальных групп осложняет попытки сформулировать морально-идеологические основания целей изменения всего общества, поскольку современное *большое общество* постепенно трансформируется в *общество обществ*, состоящее из множества дифференцированных групп (сословия, корпорации, цеха, профессиональные сообщества, этнические группы и т.д.), чье поведение в разных социальных контекстах регулируется все более специфическими локальными этиками добродетели (Мартьянов, Фишман, 2016). Утопический потенциал последних сводится лишь к пересмотру места отдельных социальных групп в сложившейся иерархии рентно-сословного общества, не предполагающей значимой межгрупповой (вертикальной и горизонтальной) мобильности граждан. Это коллективные стратегии, связанные с формированием *исключений из правил*, позволяющие извлекать меньшинствам привилегии и дополнительные ресурсы из своего положения, но не имеющие утопической цели изменять правила для всего социума или большинства составляющих его граждан.

Заключение

Исторически капитализм не столько замещал, сколько накладывался в виде рыночных обменов поверх более старых типов обменов, дарообменных (реципрокных) и дистрибутивных (распределительных). Однако период возвышения и доминирования *рыночной метафоры* как привилегированного воплощения современности заканчивается. Капитализм питался *созидательным разрушением* ценностей и морали традиционных аграрных обществ в пользу рыночных обменов. Достигнув пределов подобной рыночной экспансии, эти ценности и регулируемые ими типы социальных обменов парадоксальным образом обращаются против исчерпавшего все свои ценностно-институциональные *резервы полезности* капитализма. Утопии восходящей социальной мобильности и бесконечного роста сменяются в общественном сознании приоритетными дискурсами стабильности, адаптации, *устойчивого развития*, секьюритизации (политики безопасности), ценностью рентных источников доходов, характерными для докапиталистических обществ.

Существует явная потребность восстановить в будущем ценность большинства людей в альтернативных – не в рыночных, трудовых или военных категориях, поскольку в противном случае мир столкнется с нарастанием достаточно жестких сословных различий и неравенств между большинством и меньшинством, что само по себе разрушает и ценность, и онтологические условия демократии. Ключевым политическим вопросом все чаще становится идеологическое обоснование иерархического доступа к общественным ресурсам разных социальных групп, выражающееся в росте популизма как общей стратегии рентных раздач и сомнительной риторике умножающихся *обделенных меньшинств*, требующих восстановления своей справедливой доли. Основная проблема посткапитализма заключается в том, сможет ли большинство граждан вернуть потерянную политическую субъектность? На основании каких утопий и в каких институциональных формах этот возврат может быть реализован? Какие широкие социальные группы могут возглавить протест против *восстания элит*? Без нового взлета политической субъектности большинства нас ждет инерционный сценарий долгосрочной стабилизации

социально-политического и экономического порядка, в котором большинство будет функционально разбито на множество меньшинств и социально-профессиональных групп, не позволяющих им выработать общую стратегию, которая была возможна в обществе труда и для людей труда, обладающих общностью социального положения, идентичностью и консолидируемых *утопиями для большинства*.

И если большинство не сможет развернуть упадок рыночного общества в пользу новых эгалитарных институтов и ценностей, то инерционный сценарий усиления неравенства может предполагать нечто гораздо худшее: «неофеодализм новых сеньоров и крепостных, микроэлиты платформенных миллиардеров и гигантского сектора услуг или сектора прислуги» (Дин, 2019, с. 88). Потенциальным результатом инерционного сценария будет социальная стабильность, основанная на приостановке сильных социально-политических изменений (утопий) и приемлемости существования разных социальных групп в рентно-сословной социальной иерархии, которая нейтрализует свои принципиальные альтернативы путем перманентной настройки иерархических механизмов рентного доступа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барометр доверия фонда Эдельмана. Глобальный доклад–2020. (2020). (https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf – Дата обращения: 20.05.2020).

Бауман, З. (2015). Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М.: Изд. Института Гайдара.

Дзарасов, Р. (2019). «Великая стагнация» и кризис Европы (<http://freeconomy.ru/tribuna/velikaya-stagnatsiya-i-krizis-evropy.html> – Дата обращения: 20.05.2020).

Дин, Д. (2019). Коммунизм или неофеодализм? // *Логос*, (6), 85–116.

Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. (2015). М.: Изд. Института Гайдара.

Иванов, В. Г., Иванова, М. Г. (2015). «Charts power» – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть II // *Вестник РУДН. Серия: Политология*, (3), 7–34.

Кагарлицкий, Б. Ю. (2017). Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Ленин, В. И. (1974). Государство и революция (Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции) // *ПСС*, 5-е изд., 33, с. 1–120. М.: Политиздат.

Мартыанов, В. С. (2016). Прощай, средний класс // *Свободная мысль*, (5), 53–70.

Мартыанов, В. С., Фишман, Л. Г. (2016). Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // *Вопросы философии*, (10), 58–68.

Медоуз, Д., Рандерс, Й., Медоуз, Д. (2007). Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академкнига.

Миллс, Р. (2007). Властвующая элита. Москва, Директмедиа Паблишинг.

Мэддисон, Э. (2012). Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара.

Новая мир-система? Беседа с И. Валлерстайном. (2014). (<http://gefter.ru/archive/11457> – Дата обращения: 20.05.2020).

Пикетти, Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.

Стиглиц, Д., Сен, А., Фитусси, Ж.-П. (2015). Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд. Института Гайдара.

Тихонова, Н. Е. (2018). Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // *Вестник Института социологии*, (27), 11–43.

Фалина, А. С. (2012). Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // *Социология власти*, (1), 132–140.

Шенэ, М. (2017). Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

- Шляпентох, В.* (2008). Россия как феодальное общество. М.: Столица-принт.
- Ivanova, M.* (2017). Profit growth in boom and bust: The great recession and the great depression in comparative perspective // *Industrial and Corporate Change*, 26(1), 1–20.
- Kotkin, J.* (2014). *The New Class Conflict*. Candor, NY: Telos Press.
- Novokmet, F., Piketty, T., Zucman, G.* (2017). From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. (<http://gabriel-zucman.eu/files/NPZ2017.pdf> – Дата обращения: 20.05.2020).
- Palma, J.-G.* (2009). The Revenge of the Market on the Rentiers: Why Neo-Liberal Reports of the End of History Turned Out to Be Premature // *Cambridge Journal of Economics*, 33(4), 829–869.
- Shlapentokh, V., Woods, J.* (2011). *Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.

REFERENCES

- Bauman, Z.* (2015). Does the Wealth of the Few benefit all Others? М.: Izdatel'stvo Instiuta Gaydara. (In Russian).
- Chenet, M.* (2017). Permanent Crisis. The Growth of Financial Aristocracy and the Defeat of Democracy. М.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Dean, D.* (2019). Communism or Neo-Feudalism? *Logos*, (6), 85–116.
- Does Capitalism Have a Future?* / I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derlugyan, K. Calhoun (2015). М.: Izdatel'stvo Instiuta Gaydara. (In Russian).
- Dzarasov, R.* (2019). “Great stagnation” and the crisis of Europe. (<http://freeconomy.ru/tribuna/velikaya-stagnatsiya-i-krizis-evropy.html> – Access Date: 20.05.2020).
- Edelman Foundation Trust Barometer. Global Report 2020.* (2020). (https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf – Access Date: 20.05.2020).
- Falina, A. S.* (2012). Service State: the Origins of Theory, Elements of Practice. *Sotsiologiya vlasti*, (1), 132–140. (In Russian).
- Ivanov, V. G., Ivanova, M. G.* (2015). “Charts Power” - Country Rankings as an Economic Weapon and an Instrument of Soft Power. Part II. *Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science*, (3), 7–34.
- Ivanova, M.* (2017). Profit growth in boom and bust: The great recession and the great depression in comparative perspective. *Industrial and Corporate Change*, 26(1), 1–20.
- Kagarlitsky, B. Y.* (2017). Between Class and Discourse. The Left Intellectuals on Guard of Capitalism. М.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Kotkin, J.* (2014). *The New Class Conflict*. Candor, NY: Telos Press.
- Lenin, V. I.* (1974). State and Revolution (The Doctrine of Marxism on the State and the Tasks of the Proletariat in the Revolution). *Polnoye sobraniye sochineniy*, 5th ed. М.: Politizdat, 33, 1–120. (In Russian).
- Maddison, E.* (2012). The Contours of the World Economy in 1–2030. Essays on the Macroeconomic History М.: Izdatel'stvo Instiuta Gaydara. (In Russian).
- Martianov, V. S.* (2016). Farewell, Middle Class. *Free Thought*, (5), 53–70.
- Martianov, V. S., Fishman, L. G.* (2016). Ethics of Virtue for New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia. *Voprosy filosofii*, (10), 58–68. (In Russian).
- Meadows, D. Randers, Y., Meadows, D.* (2007). Limits of Growth. 30 Years Later. М.: Akademkniga. (In Russian).
- Mills, R.* (2007). *The Power Elite*. М.: Directmedia Publishing. (In Russian).
- New World-System? Conversation with I. Wallerstein.* (2014). (<http://gefter.ru/archive/11457> – Access Date: 20.05.2020).
- Novokmet, F., Piketty, T., Zucman, G.* (2017). From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. (<http://gabriel-zucman.eu/files/NPZ2017.pdf> – Access Date: 20.05.2020).
- Palma, J.-G.* (2009). The Revenge of the Market on the Rentiers: Why Neo-Liberal Reports of the End of History Turned Out to Be Premature. *Cambridge Journal of Economics*, 33(4), 829–869.

Piketty, T. (2015). *Capital in the XXI-st Century*. M.: Ad Marginem Press. (In Russian).

Stiglitz, D., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2015). *Misjudging our Life: Why does GDP make no Sense?* Report of the Commission on Measuring Economic Performance and Social Progress. M.: Izdatel'stvo Instiuta Gaydara. (In Russian).

Tikhonova, N. E. (2018). Factors of vital success and social status in the minds of Russians. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 27, 11–43. (In Russian).

Shlapentokh, V. (2008). *Russia as a Feudal Society*. M.: Stolitsa-print. (In Russian).

Shlapentokh, V., Woods, J. (2011). *Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.